

Хесус Уэрта Де Сото. Австрийская экономическая школа

Мне так понравилась книга Де Сото [Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция](#), что я тут же изучил Интернет и обнаружил еще 5 книг автора на русском языке:

- Деньги, банковский кредит и экономические циклы
- Социально-экономическая теория динамической эффективности
- Иной путь. Экономический ответ терроризму
- Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире
- Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество

Сегодня я представляю последнюю книгу в этом списке. В ней описана краткая история развития идей австрийской школы экономической теории с момента ее зарождения во второй половине XIX в. и до настоящего времени. Автор анализирует вклад основных представителей школы, оказавших определяющее влияние на формирование этого направления экономической мысли: К. Менгера, О. Бём-Баверка, Л. фон Мизеса, Ф. Хайека, а также ключевых фигур недавнего «австрийского» возрождения: И. Кирцнера и М. Ротбарда. Особое внимание уделено основным отличиям австрийской школы от доминирующего математизированного направления в экономической науке — неоклассической школы в таких областях, как теория капитала; равновесие, рыночный процесс и предпринимательство; теории денег, кредита и экономических циклов.

Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. — Челябинск: Социум, 2009. — 202 с.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

1.1. Австрийская теория деятельности против неоклассической теории принятия решений.

Представители австрийской школы рассматривают экономическую науку как теорию деятельности, а не как теорию принятия решений. Для австрийцев экономическая наука — это не набор теорий выбора или принятия решений, но интегрированный теоретический корпус, описывающий процессы социального взаимодействия, процессы, отличающиеся степенью координации, которая зависит от бдительности, проявляемой действующими субъектами в своей предпринимательской деятельности.

Неоклассическая парадигма молчаливо предполагает фиксированное знание целей и средств и сводит проблему экономики к технической проблеме размещения ресурсов, максимизации или оптимизации в условиях определенных ограничений, которые также предполагаются известными. Авторы австрийской школы придерживаются мнения, согласно которому человек не столько распределяет имеющиеся средства между наличными целями, сколько находится в неустанном

поиске новых целей и средств — усваивая опыт прошлого и напрягая воображение для открытия и созидания будущего (посредством деятельности).

1.2. Австрийский субъективизм против неоклассического объективизма. Австрийцы полагают: за экономическими ограничениями стоят не объективные явления или материальные факторы внешнего мира (скажем, величина нефтяных запасов), а знания предпринимателей (открытие карбюратора, способного вдвое увеличить коэффициент полезного действия двигателя внутреннего сгорания, будет иметь такой же экономический эффект, что и удвоение разведанных запасов нефти). Вот почему австрийцы рассматривают производство не как нечто внешнее, природное и материальное, а, напротив, как явление интеллектуальное и духовное.

1.3. Австрийский предприниматель против неоклассического Homo Economicus. В рамках австрийской экономической теории движущей силой является предпринимательство — концепция, демонстративно отсутствующая в неоклассической теории. Предпринимательство — это характерная особенность реального мира, вечно пребывающего в состоянии неравновесия, а потому не может играть какой-либо роли в моделях равновесия, занимающих внимание неоклассических авторов. Главная задача предпринимателя заключается в создании и открытии новой информации, прежде не существовавшей, и пока процесс создания не будет завершен, этой информации не существует и она не может быть никому известна, а потому не в силах человеческих заранее принимать неоклассические решения о размещении ресурсов в соответствии с ожидаемыми издержками и выгодами.

1.4. Возможность чисто предпринимательской ошибки (австрийская школа) против апостериорного обоснования всех решений (неоклассическая школа). Для австрийцев «чистая» предпринимательская ошибка совершается тогда, когда на рынке остаются необнаруженные предпринимателями возможности получить прибыль. Именно существование такого типа ошибки лежит в основе «чистой предпринимательской прибыли», извлекаемой тем, кто ее обнаруживает и устраняет. Для неоклассических авторов, напротив, подлинно предпринимательских ошибок, о которых впоследствии приходится сожалеть, просто не существует. Причина в том, что неоклассики обосновывают все прошлые решения в терминах гипотетического анализа затрат и результатов, осуществляемого в рамках математической модели максимизации с учетом ограничений. Поэтому в неоклассическом мире нет места для чисто предпринимательской прибыли, а когда ее все-таки упоминают, то подразумевают просто плату за услуги рядовых факторов производства или доход, вознаграждающий за принятие риска.

1.5. Субъективная информация (австрийская школа) против объективной информации (неоклассическая школа). Предприниматели постоянно порождают новую информацию, которая по природе своей субъективна, рассеяна, имеет практический характер и с трудом поддается артикулированию (подробнее см. Хесус Уэрта Де Сото. [Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция](#)). Поэтому субъективное восприятие информации является существенным элементом методологии австрийской школы, отсутствующим в неоклассической теории, где информация трактуется как исключительно объективная. С точки зрения неоклассиков, информация — это нечто объективное, своего рода товар, который продают и покупают на рынке в соответствии с решениями о максимизации. С точки зрения австрийцев, Стиглиц не сумел понять, что информация по сути своей всегда субъективна и рынки, которые он считает «несовершенными», не столько порождают «неэффективность» (в неоклассическом смысле), сколько предоставляют потенциальные возможности для извлечения предпринимательской прибыли, возможности, которые предприниматели обнаруживают и используют в непрерывном процессе координации предпринимательских усилий на рынке.

1.6. Предпринимательский процесс согласования (австрийская школа) против моделей общего и/или частичного равновесия (неоклассическая школа). Предпринимательство не только подталкивает к созданию и передаче информации, но, что еще важнее, способствует координации несогласованного поведения, встречающегося в обществе. Вся существующая в обществе рассогласованность материализуется как возможность прибыли, остающаяся скрытой до тех пор, пока ее не откроют предприниматели. Как только предприниматель осознаёт эту возможность и использует к своей выгоде, возможность исчезает и запускается стихийный процесс координации. Этот процесс объясняет тенденцию к равновесию, свойственную всякой подлинно рыночной экономике.

Этот подход объясняет интерес экономистов австрийской школы к исследованию концепции динамической конкуренции, тогда как неоклассических экономистов занимают исключительно модели равновесия. С точки зрения австрийцев, абсурдно строить экономическую науку на модели равновесия, изначально предполагающей, что вся информация, необходимая для получения соответствующих функций спроса и предложения, «дана». Австрийцы, напротив, предпочитают изучать рыночный процесс, ведущий к принципиально недостижимому состоянию равновесия.

С точки зрения австрийской школы, важнейшая экономическая проблема — это не максимизация известной, объективной функции с известными ограничениями, а проблема, строго экономическая по своей природе: она возникает при наличии множества конкурирующих между собой целей и средств, когда знание о них не является чем-то данным, а напротив, рассредоточено между бесчисленным числом людей, постоянно создающих его *ex novo* (заново), так что в результате никто не в состоянии знать все существующие возможности и альтернативы, а равно и то, в какой степени каждая из них желательна.

Австрийские теоретики, в отличие от неоклассических, не видят смысла в разделении микро и макроэкономики. Напротив, экономические проблемы следует изучать как взаимосвязанные вопросы. Для неоклассиков равновесие выступает в роли своего рода завесы, мешающей теоретику обнаружить истинное направление причинно-следственных отношений, отраженных в экономических законах. Неоклассические экономисты видят не столько однонаправленные закономерности, или законы тенденции (*laws of tendency*), сколько взаимные (круговые) функциональные соотношения причин и следствий между различными явлениями, изначально происхождение которых (человеческая деятельность) остается скрытым или считается несущественным.

1.7. Субъективные издержки (австрийцы) против объективных издержек (неоклассики). Для австрийцев издержки — это субъективная ценность тех целей, которыми действующий субъект жертвует, когда делает выбор в пользу определенного образа действий. Иными словами, объективных издержек не существует, а каждый действующий субъект должен использовать свою предпринимательскую бдительность, чтобы непрерывно выявлять издержки в каждом наборе обстоятельств. Издержки, являясь субъективными ценностями, отражают субъективную ценность (и определяют ее), которую человек присваивает своим целям. Поэтому экономисты австрийской школы полагают, что именно цены конечных потребительских благ, будучи рыночным выражением субъективных оценок, определяют издержки, на которые готов пойти человек для производства подобных благ, а не наоборот, как столь часто утверждают неоклассические экономисты в своих моделях.

1.8. Вербальные формулировки австрийцев против математических формулировок неоклассиков. Математический язык чрезвычайно удобен для выражения состояний равновесия, изучаемых неоклассическими экономистами, но не позволяет передать субъективность времени и предпринимательского творчества, которые являются существенными чертами аналитических рассуждений австрийской традиции.

1.9. Связь между теорией и эмпирическим миром: иная концепция «предсказания». Для австрийцев тот факт, что научный «наблюдатель» не в состоянии получить субъективную информацию, которую децентрализованным образом постоянно открывают и создают «наблюдаемые» действующие субъекты — предприниматели, являющиеся главной движущей силой социального процесса, служит обоснованием их мнения о теоретической невозможности эмпирической верификации в экономической науке.

С позиций австрийской экономической теории социалистический, позитивистский или строго утилитаристский идеалы недостижимы по следующим причинам: во-первых, из-за огромных объемов информации; во-вторых, из-за природы ключевой информации (разрозненной, субъективной и неявной); в-третьих, из-за динамизма предпринимательского процесса (невозможно передать информацию, которую предприниматели еще не создали в процессе постоянного, новаторского созидания); и, в-четвертых, из-за воздействия принуждения или научного «наблюдения» (которые искажают процесс предпринимательского порождения информации, препятствуют ему или просто делают его невозможным).

В экономике теоретически невозможны точные предсказания (т.е. с точным указанием места, времени и имеющие конкретную, эмпирическую природу). Наука не может ничего знать о завтрашних событиях, потому что они зависят главным образом от знаний и информации, которые предпринимательски еще не порождены, а потому и узнать их еще невозможно. В экономике возможны в лучшем случае общие прогнозы тенденций, которые Хайек называет структурными предсказаниями.

В математике, согласно теории множеств, функция — это просто взаимно однозначное соответствие между элементами двух множеств, «исходным множеством» и «множеством образов». Учитывая врожденную творческую способность людей постоянно порождать и открывать в каждом предложенном наборе обстоятельств новую информацию относительно целей, к которым стремятся, и средств, которые считают возможным использовать для достижения целей, то становится очевидным, что в экономической науке отсутствуют все три элемента, необходимые для возникновения функциональных зависимостей: а) элементы исходного множества непостоянны и не заданы; б) элементы множества образов непостоянны и не заданы; и самое главное, в) соотношение между элементами двух множеств не задано и к тому же постоянно меняется благодаря деятельности и творческим способностям людей. Поэтому австрийцы утверждают, что в экономической науке использование функций требует допущения о неизменности информации, что полностью устраняет главного героя каждого социального процесса — человека, наделенного врожденной предпринимательской способностью к творчеству. Великая заслуга экономистов австрийской школы состоит в том, что они продемонстрировали, что путем чисто логических рассуждений можно разработать всеобъемлющую экономическую теорию, включающую концепции времени и творчества (праксиологию), и обойтись при этом без функций и допущений о постоянстве, которые не сочетаются с творческой природой людей, являющихся единственными подлинными главными героями социальных процессов и объектом экономических исследований.

Глава 2. ЗНАНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

2.1. Определение предпринимательства. Согласно австрийцам, предпринимательство — в самом общем смысле — совпадает с человеческой деятельностью. Другими словами, в действиях любого человека, направленных на то, чтобы изменить настоящее и достичь своих целей в будущем, содержится элемент предпринимательства. Предпринимательство, в строгом смысле слова, по существу состоит в открытии и восприятии возможностей достижения цели или получения выгоды или прибыли и в осуществлении действий для использования этих возможностей, возникающих в нашем окружении.

2.2. Информация, знание и предпринимательство. Предпринимательство модифицирует или изменяет информацию или знания действующего субъекта, в том смысле, что он обнаруживает информацию, которой прежде не обладал. Шесть основных, с точки зрения австрийцев, характеристик предпринимательского знания: 1) это знание не научное, а субъективное и практическое; 2) это знание эксклюзивное; 3) оно рассеяно среди всех людей; 4) это знание, преимущественно неявное, а потому неартикулируемое; 5) это знание, создаваемое *ex nihilo* (из ничего) именно благодаря проявлению предпринимательства; 6) это знание, которое может передаваться, по большей части неосознанно, посредством чрезвычайно сложных социальных процессов, которые представители австрийской школы считают настоящим предметом экономических исследований.

2.3. Знание не научное, а субъективное и практическое. Первым на различие между «практическим знанием» и «научным знанием» указал Майкл Оукшот (рис. 1). Хайек утверждает, что для экономики как науки главный риск заключается в опасности того, что, поскольку экономическая теория состоит в теоретизировании относительно знания типа А, люди могут прийти к убеждению, что те, кто им владеет, каким-то образом имеют доступ к конкретному содержанию практического знания типа А, которое люди постоянно создают и используют на предпринимательском уровне.

	Тип А	Тип В
Оукшот	Практическое (Традиционное)	Научное (или Техническое)
Хайек	Рассеянное	Централизованное
Полани	Неявное	Артикулированное
Мизес	Об «уникальных событиях»	О «классах событий»

↑
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
 (Знание типа В
 о знании типа А)

Рис. 1. Два разных типа знания

2.4. Эксклюзивное, рассеянное знание. Практическое знание рассеяно и эксклюзивно. Это означает, что каждый из участников владеет лишь несколькими «атомами» или «битами» всей созданной в обществе и переданной информации и что, парадоксально, этими битами владеет только он или, иными словами, только он имеет к ним доступ и в состоянии дать им сознательное истолкование. Следовательно, каждый, кто действует и практикует предпринимательство, делает это глубоко личным и неповторимым образом.

2.5. Неявное неартикулируемое знание. Практическое знание — это преимущественно знание неявное и неартикулируемое. Это означает, что человек знает, как выполнять определенные действия (знать *как*), но не в состоянии выявить элементы или части того, что он делает, не в силах сказать, правильны они или нет (знать *что*). Процесс обучения заключается в приобретении ряда *практических навыков поведения*. Новое знание, приобретаемое нами из формул, книг, графиков, карт и т.п., имеет значение только потому, что помогает нам перестраивать всю имеющуюся у нас структуру практической, предпринимательской информации.

Другой тип знания, которое не может быть артикулировано и играет ключевую роль в функционировании общества, состоит из комплекса привычек, традиций, институтов, правовых и моральных правил, образующих право, которые делают возможным существование общества и которым люди учатся следовать, будучи не в состоянии детально их сформулировать и теоретически объяснить функцию, исполняемую этими правилами и институтами в различных ситуациях и социальных процессах.

2.6. Творческая природа предпринимательства. Предпринимательство не требует никаких издержек, а потому является творческим занятием. Творческий аспект предпринимательства воплощен в производстве определенного типа прибыли, которая в некотором смысле возникает из ничего, которую мы будем называть чисто предпринимательской прибылью. Для извлечения предпринимательской прибыли не нужно предварительно обладать средствами. Любой акт предпринимательства порождает три эффекта. Во-первых, предпринимательство создает новую информацию. Во-вторых, эта информация передается, распространяясь по рынку. В-третьих, акт предпринимательства учит каждого из участников рынка подстраивать свое поведение к потребностям других.

Порождаемая в процессе предпринимательства информация делает возможным экономический расчет, понимаемый как любое ценностное суждение относительно альтернативных курсов действий. Иными словами, без свободы предпринимательства в условиях рыночной экономики информация, необходимая каждому для оценки альтернативных решений, не создается. Если совсем коротко: в отсутствие предпринимательства экономический расчет невозможен. Это не только один из важнейших выводов, вытекающих из экономического анализа австрийской школы, но и ядро теоремы о невозможности экономического расчета при социализме.

Предпринимательство — главнейшая из социальных функций, поскольку делает возможной жизнь людей в обществе, обеспечивая взаимное приспособление и согласование поведения его членов.

2.10. Основной принцип. В соответствии с теоретической логикой австрийской школы по-настоящему важно существование ситуации, в которой отсутствуют правовые или

институциональные ограничения на занятие предпринимательством. Изучение глубинных истоков внутренней силы, которая побуждает людей во всех областях действовать попредпринимательски, — задача не экономиста, а, скорее, психолога. Мы же просто подчеркнем основной принцип: людям свойственно находить информацию, которая их интересует; следовательно, если они вольны достигать своих целей и действовать в собственных интересах, и то и другое выступает в роли стимулов, побуждающих их демонстрировать предприимчивость и постоянно находить и воспринимать практическую информацию, необходимую для достижения их целей. Обратное также верно. Если по каким-то причинам возможности проявлять предприимчивость сужены или просто закрыты в определенных областях социальной жизни (в результате правовых, институциональных или традиционных ограничений или вследствие государственного вмешательства в экономику), люди даже не будут рассматривать возможность достижения целей в запрещенных или закрытых областях, а поскольку цели окажутся недостижимыми, они не будут служить стимулами для восприятия или обнаружения информации, важной для их достижения. Более того, при подобных обстоятельствах даже не возникнет представления об огромной ценности и многообразии целей, ставших недостижимыми из-за этих институциональных ограничений (интервенционизма или социализма).

2.11. Конкуренция и предпринимательство. Словарь определяет конкуренцию как «состяжание между соперниками». Это означает, что, когда предприниматель обнаруживает определенную прибыльную возможность и использует ее, эта возможность, как правило, исчезает, и никто другой уже не может ее увидеть и использовать. В то же время, если человек не полностью раскроет возможность получения прибыли или, полностью открыв возможность, воспользуется ей лишь частично, тогда часть этой возможности будет в скрытом виде ждать появления тех, кто сумеет ее обнаружить и использовать. Таким образом, общественный процесс носит ярко выраженный конкурентный характер в том смысле, что разные действующие субъекты конкурируют между собой, осознанно или нет, за то, чтобы первыми обнаружить и использовать возможности получения прибыли. Предпринимательский процесс внесения координации в жизнь общества никогда не остановится и не будет исчерпан.

2.12. Заключение: австрийская концепция общества. Мы определим общество как процесс (т.е. динамическую структуру), который можно охарактеризовать так: стихийный и тем самым не являющийся продуктом сознательного замысла; крайне сложный, поскольку он включает миллионы и миллионы людей, отличающихся бесконечным разнообразием постоянно изменяющихся целей, вкусов, оценок и практического знания; и образуемый взаимодействием людей (преимущественно в форме обмена, часто на основе денежных цен и всегда в соответствии с определенными правилами, традициями или нормами поведения).

Экономисты австрийской школы убеждены, что главная задача экономической теории — анализ того, как стихийный порядок общественной жизни позволяет нам использовать гигантский объем практической информации, которая существует не в упорядоченном и консолидированном виде, а рассеяна среди миллионов людей. Предмет экономической науки — изучение этого динамического процесса, обеспечивающего открытие и передачу информации, процесса, чьей движущей силой является предпринимательство, которое согласует и координирует планы людей, чем и делает возможной жизнь в обществе. Это и только это является основной экономической проблемой, что заставляет нас крайне критично относиться к модели равновесия, изучением которой поглощены сторонники господствующей неоклассической парадигмы. Хайек полагает, что это занятие не представляет научного интереса, потому что исходит из предположения, что вся информация дана и, следовательно, основная экономическая проблема уже решена.

Глава 3. КАРЛ МЕНГЕР И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

3.1. Введение. Принято считать, что, опубликовав в 1871 г. работу «Основания политической экономии», Карл Менгер (1840—1921) произвел на свет австрийскую экономическую школу. Тем не менее главной заслугой этого автора было то, что он сумел воспринять и поддержать традицию мысли, возникшую в европейском католицизме и уходящую корнями в греческую философию и, с

еще большей определенностью, в прочно утвердившуюся правовую, философскую и политическую мысль классического Рима.

Действительно, в Риме классического периода обнаружили, что закон во многом образом опирается на обычай, а юридические институты (подобно экономическим, а также языку) возникают в ходе длительного процесса развития и включают огромный объем информации и знания, намного превосходящий умственные способности любого правителя, сколь угодно мудрого и доброго. Цицерон («О Государстве» 2.1—2), излагая взгляды Катона, пишет: «Наше государственное устройство лучше устройства других государств по той причине, что в последних, можно сказать, отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений, например у критян — Минос, у лакедемонян — Ликург... Напротив, наше государство создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо, говорил Катон, никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог обнять все стороны дела, не обладая долговременным опытом».

3.2. Схоласты испанского золотого века как предшественники австрийской школы. Согласно Фридриху Хайеку, вопреки распространенному представлению, теоретические принципы рыночной экономики, как и основные элементы экономического либерализма, были разработаны не шотландскими кальвинистами и протестантами, а произросли из доктрин доминиканцев и иезуитов, принадлежавших к Саламанкской школе времен испанского золотого века.

Диего де Коваррубиас-и-Лейва (1512–1577) лучше, чем кто-либо до него, сформулировал существо субъективной теории ценности, ключевой пункт всей системы австрийского экономического анализа, заявив: «Ценность вещи зависит не от ее объективной природы, а от субъективных оценок людей, даже когда эта оценка нелепа». Субъективистская традиция была продолжена другим замечательным схоластом, Луисом Саравиа-де-ла-Калье, который утверждал, что во всех случаях издержки обычно следуют за ценами, но никак не наоборот: «Серьезно ошибаются те, кто измеряет справедливую цену вещи трудом, издержками и рисками того, кто производит товар или торгует им; потому что справедливая цена создается изобилием или нехваткой товаров, купцов и денег, а не издержками, трудом и рисками».

Другой замечательный вклад испанских схоластов — введение динамической концепции конкуренции, понимаемой как предпринимательский процесс соперничества, являющийся движущей силой рынка и развития всего общества. Кастильо де Бовадилья сформулировал следующий экономический закон, который впоследствии стал основой австрийского аргумента в пользу рынка: «Цены продукции понижаются в результате изобилия, взаимного подражания и конкуренции продавцов».

Другим существенным элементом того, что позднее стало инструментом австрийского экономического анализа, является принцип временного предпочтения, согласно которому в настоящем, при прочих равных, все блага оцениваются выше, чем в будущем. Эту доктрину заново открыл в 1556 г. Мартин де Аспилькуэта (знаменитый доктор Наварро), позаимствовавший ее у одного из самых ярких учеников святого Фомы Аквинского Эгидия Лессинийского, который уже в 1285 г. сформулировал: «Будущие блага не ценятся столь дорого, как те же самые блага, доступные немедленно, и они не позволяют их владельцам получать от них такую же пользу. По этой причине нужно полагать, что по справедливости их ценность должна быть ниже». Испанские схоласты также внесли существенный вклад в теорию банковского дела. Все авторы стояли за то, чтобы банки следовали политике 100процентного резервирования, и эта позиция стала центральной для австрийского подхода к теории кредита и экономического цикла.

3.3. Угасание схоластической традиции и отрицательное влияние Адама Смита. Чтобы понять, как испанские схоласты смогли повлиять на развитие австрийской экономической школы, давайте вспомним, что в XVI в. Карл V, император и король Испании, посадил на австрийский престол своего брата Фердинанда I. Этимологически «Австрия» означает «восточная часть империи».¹

¹ Не следует забывать, что автор книги – испанец. ☺

Заслугой Карла Менгера было то, что он открыл и вдохнул жизнь в эту континентальную испанскую католическую традицию, которая пребывала в упадке и была практически забыта из-за триумфа протестантской реформации. Как отмечает Мюррей Ротбард, Адам Смит отбросил все, относившееся к субъективной теории ценности, центральной роли предпринимателя и попыткам объяснить цены, складывающиеся на реальном рынке, и выдвинул на передний план трудовую теорию ценности, которую позднее Маркс, доведя дело до логического конца, положил в основание своей теории капиталистической эксплуатации. Более того, Адам Смит сосредоточил свои усилия на объяснении «естественной» цены, соответствующей состоянию долгосрочного равновесия, модели равновесия, в которой демонстративно отсутствует предпринимательство, а вся необходимая информация предполагается доступной. Кроме того, Адам Смит пропитал экономическую науку кальвинизмом, примером чего служат его поддержка запрета ростовщичества и различие между «производительными» и «непроизводительными» занятиями.

Пагубное влияние на экономическую теорию умножена преемниками Адама Смита, в частности Иеремией Бенетом, который заразил экономическую теорию самым узким утилитаризмом, косвенным образом поспособствовав развитию псевдонаучного анализа издержек и выгод, и возникновению традиции социальной инженерии, ставящей своей целью преобразование общества по своей прихоти с помощью принуждающей власти государства. В Англии эта тенденция достигла кульминации в отречении Джона Стюарта Милля от *laissez faire* и его многочисленных уступках социализму.

К счастью, несмотря на победоносный интеллектуальный империализм английской классической школы, подчинившей себе развитие экономической теории, католическая континентальная традиция не была забыта окончательно. Более того, она оказала влияние на двух известных экономистов — ирландца Кантильона и француза Тюрго. В 1730 г. Кантильон написал работу «Опыт о природе торговли вообще», которую Девонс рассматривал как первый систематический трактат по экономике. В этой книге Кантильон выдвигает на первый план фигуру предпринимателя в качестве движущей силы рыночного процесса. В 1759 г. Тюрго в «Похвальном слове Венсану де Гурнэ» сделал вывод: «Нет нужды доказывать, что каждое частное лицо является единственным судьей самого выгодного использования своей земли и своих рук. Оно одно знакомо с местными условиями, без знания которых самый просвещенный человек может рассуждать лишь вслепую. Тюрго также отмечает «абсолютную невозможность управлять посредством неизменных правил и постоянного наблюдения за множеством операций, сама необъятность которых препятствует ознакомлению с ними. Более того, они постоянно зависят от массы непрерывно меняющихся обстоятельств, не поддающихся никакому воздействию и даже предвидению».

3.4. Менгер и субъективизм австрийской школы: концепция деятельности как множества субъективных этапов, субъективная теория ценности и закон предельной полезности. Еще в молодости Менгер понял, что сформулированная Адамом Смитом и его англосаксонскими последователями классическая теория образования цен не очень убедительна. В возрасте 31 года он написал книгу «Основания политической экономии», официально давшую жизнь австрийской школе экономической теории. Предложенные им принципы предусматривали, что развитие экономической науки будет опираться на человека как творческое начало и главное действующее лицо всех социальных процессов и событий (субъективизм), а также, впервые в истории экономической мысли, с позиций субъективизма была сформулирована целостная теория стихийного возникновения и эволюции всех общественных (экономических, правовых и языковых) институтов, понимаемых как утвердившиеся модели поведения.

Одним из наиболее оригинальных проявлений этой новой субъективистской тенденции, заложенной Менгером, была его «теория экономических благ разных порядков». Для Менгера «экономические блага первого порядка» — это потребительские блага, т.е. такие, которые субъективно и непосредственно удовлетворяют человеческие потребности и в силу этого в особом, субъективном контексте каждого действия образуют конечную цель, к достижению которой стремится действующий субъект. Для достижения этих целей, т.е. для получения потребительских благ, или экономических благ первого порядка, сначала нужно пройти ряд промежуточных этапов, которые Менгер именуется «экономическими благами более высокого

порядка» (второго, третьего, четвертого и т.д.), отличающихся тем, что чем больше порядковый номер каждого этапа, тем дальше этот этап от конечного потребительского блага.

Вот так благодаря усилиям Менгера, впервые в истории экономической мысли, теория встала на точку зрения действующего субъекта и стала вращаться вокруг процесса деятельности, состоящего из ряда промежуточных этапов, которые действующий субъект начинает, разрабатывает и пытается завершить, процесса, ведущего к достижению избранной им цели, или конечного потребительского блага (экономического блага первого порядка).

Термин средства относится ко всему, что, по субъективному мнению действующего агента, может помочь ему в достижении цели. Полезность относится к субъективной оценке, присваиваемой действующим агентом средствам, и зависит от ценности той цели, достижению которой они, по мнению действующего лица, способны помочь. В этом смысле ценность и полезность — две стороны одной медали, потому что субъективная ценность, присваиваемая действующим субъектом избранной цели, проецируется на средства, которые он считает полезными для ее достижения, именно через концепцию полезности.

Самым оригинальным и существенным вкладом Менгера в экономическую науку было не открытие закона предельной полезности, сделанное им хоть и независимо, но параллельно с Джевансом и Вальрасом, а его субъективистская концепция всех процессов, связанных с человеческой деятельностью. Действующий субъект оценивает каждую из взаимозаменяемых единиц средств с точки зрения места, которое последняя из таких единиц занимает на его шкале ценностей, так что, если действующий субъект утратит или приобретет единицу средств, соответствующая потеря или прибавка полезности будет определяться положением, занимаемым на его личной шкале ценностей той целью, которая может быть достигнута или утрачена с помощью этой последней единицы. Таким образом, с точки зрения австрийской школы, закон предельной полезности не имеет никакого отношения ни к физиологическому удовлетворению потребностей, ни к психологии, а является строго праксиологическим законом (по терминологии Мизеса), т.е. принадлежит к логике любой человеческой, предпринимательской и творческой деятельности.

Таким образом, важно проводить различие между теорией предельной полезности, разработанной Менгером, и законами предельной полезности, которые были параллельно сформулированы Джевансом и Вальрасом. Для Джеванса и Вальраса предельная полезность была простым добавлением к математической модели равновесия.

Неудивительно, что главный основатель неоклассической чикагской школы Фрэнк Найт называл теорию Менгера об экономических благах первого и более высоких порядков наименее значительным из его достижений. Этим утверждением Найт обнаруживает теоретическую неадекватность всей неоклассической парадигмы равновесия и, в частности, своей чикагской школы, для которой процесс производства имеет объективный и мгновенный характер, время играет роль не более чем параметра, а творчество и неопределенность, типичные для всякой предпринимательской деятельности, истреблены применением рикардианского равновесия.

3.5. Менгер и экономическая теория социальных институтов. Вторым важнейшим вкладом Менгера было предложенное им теоретическое объяснение стихийного, эволюционного возникновения социальных институтов, исходящее из субъективной концепции человеческой деятельности и взаимодействия людей. Институты, имеющие жизненно важное значение для жизни в обществе (языковые, экономические, правовые и моральные), являются «непреднамеренными последствиями отдельных действий». Человек не мог бы обдуманно создать эти институты, потому что не обладает необходимыми интеллектуальными способностями для того, чтобы собрать и усвоить заключенный в них гигантский объем рассеянной динамической информации. Нет, они постепенно — стихийным и эволюционным образом — возникли из социального процесса взаимодействия людей. Поэтому Менгер, а вслед за ним и остальные австрийцы убеждены, что именно эта область должна быть главным предметом экономических исследований.

3.6. Methodenstreit, или Спор о методах. Methodenstreit – первая и, пожалуй, самая знаменитая дискуссия с участием австрийцев. На несколько десятилетий она поглотила интеллектуальную энергию Менгера. Исповедовавшие историцизм немецкие профессора во главе со Шмоллером

были жертвами гиперреализма (так же как впоследствии американские институционалисты из школы Торстейна Веблена), поскольку отрицали существование общезначимой экономической теории и защищали тезис о том, что обоснованным может считаться только знание, полученное в результате эмпирических наблюдений и сбора данных, относящихся к каждой отдельной исторической ситуации. В опровержение этого взгляда в 1883 г. Менгер написал свою вторую важную книгу «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности», где доказывал, что для познания социальной действительности требуются две равно значимые дисциплины, дополняющие друг друга, но при этом радикально отличающиеся в эпистемологическом плане. Есть теория, которая передает сущность экономических явлений. Эта теоретическая форма открывается путем интроспекции, т.е. внутренней рефлексии исследователя.

В противоположность теории есть история, которая воплощается в эмпирических фактах, характеризующих каждое историческое событие. Историю можно истолковывать, классифицировать и постигать только в свете предварительно разработанной экономической теории. Так, на основе методологического подхода, который к тому времени интуитивно в общих чертах уже был намечен Ж.Б. Сэем, Менгер заложил основания того, что позднее стало «официальной» методологией австрийской экономической школы.

Глава 4. БЁМ-БАВЕРК И ТЕОРИЯ КАПИТАЛА

4.1. Введение. Второй по важности вклад в развитие австрийской школы после ее основателя сделал Ойген фон Бём-Баверк (1851–1914). Бём-Баверк был профессором политической экономии сначала в Инсбруке, потом в Вене и несколько раз занимал пост министра финансов в правительстве Австро-Венгерской империи. Он написал выдающийся труд «Капитал и процент», который, несмотря на название, представляет собой полноценный экономический трактат. В нем Бём-Баверк выстроил австрийскую теорию капитала вокруг субъективной, динамичной теории цен.

Бём-Баверк подверг сокрушительной критике все существовавшие к тому времени теории возникновения процента, причем его критический анализ был особенно точен в отношении марксистской теории. Бём-Баверк выдвинул совершенно новую теорию происхождения процента, опирающуюся на субъективную реальность временных предпочтений.

4.2. Человеческая деятельность как последовательность субъективных этапов. Человеческая деятельность, всегда направленная на достижение цели, неизменно занимает время, в том смысле, что оно требует осуществления и завершения ряда последовательных этапов. Чем больше времени требует действие (т.е. с ростом числа и сложности последовательных этапов, в совокупности образующих действие), тем большую ценность имеет результат для действующего лица. Человек, при прочих равных, предпочитает удовлетворять свои потребности или достигать цели как можно быстрее. Иными словами, наличные блага, при прочих равных, всегда предпочтительнее будущих.

4.3. Капитал и капитальные блага. Термин капитальные блага обозначает то, что человек субъективно рассматривает как промежуточные этапы каждого процесса действий. Следовательно, капитальные блага представляют собой «экономические блага высоких порядков», теорию которых разработал Карл Менгер. Капитальные блага возникают в результате накопления трех основных элементов: природных ресурсов, труда и времени, соединение которых обеспечивает задуманный и осуществляемый людьми процесс предпринимательской деятельности.

Непременным условием производства капитальных благ является сбережение, т.е. отказ от немедленного потребления. Бём-Баверк объясняет процесс сбережения и инвестирования в капитальные блага на примере Робинзона Крузо. Предположим, что Робинзон Крузо занят тем, что вручную собирает с деревьев плоды, свое единственное пропитание. После нескольких недель такой жизни Робинзон делает предпринимательское открытие, что имея он шест длиной несколько метров, то мог бы сшибать плоды с верхушек, где их намного больше. Единственная проблема состоит в том, что, по его прикидке, ему потребуется пять полных дней на то, чтобы найти подходящее дерево, выломать нужную ветку и очистить ее от сучков и листьев. И на эти пять дней ему придется отказаться от сбора плодов. Чтобы осуществить свою идею, ему

необходимо уменьшить потребление и накопить в корзинке запас еды на те пять дней, которые он будет занят изготовлением шеста.

Основное различие между богатыми и бедными обществами не связано с превосходством первых ни в прилежании и трудолюбии, ни даже в технологических знаниях. Основное различие вытекает из того факта, что богатые народы располагают более разветвленной сетью капитальных благ. Эти блага состоят из машин, инструментов, компьютеров, компьютерных программ, зданий, полуфабрикатов и пр. и существуют благодаря сбережениям, сделанным гражданами этих стран.

Согласно австрийской теории экономических циклов, капитальные блага с трудом поддаются адаптации к новым целям (производственным процессам), и чем ближе они к этапу конечного потребления, тем труднее найти им новое применение. Так что, если обстоятельства переменятся, если действующий субъект изменит свои планы или поймет, что была допущена ошибка, произведенные до этого средства производства могут оказаться совершенно бесполезными или потребовать для нового использования очень дорогостоящих изменений.

Капитал — это рыночная ценность капитальных благ, ценность, определяемая людьми, которые покупают и продают капитальные блага на свободном рынке. Таким образом, капитал — это просто абстрактная концепция, инструмент экономического расчета. В предпринимательских процессах межвременной координации ведущую роль играет важная цена — цена настоящих благ в отношении к будущим благам, более известная как ставка процента, в современных обществах определяющая соотношение между потреблением, сбережением и инвестициями. Ее анализу посвящен следующий раздел.

4.4. Ставка процента. Люди, при прочих равных, всегда ценят настоящие блага выше, чем будущие. Однако относительная психическая интенсивность этого различия в субъективных оценках разных людей очень неодинакова. На рынке, включающем множество экономических агентов, каждый из которых отличается собственными, причем изменчивыми временными предпочтениями, возникает и множество возможностей для взаимовыгодного обмена.

Соответственно люди с низким временным предпочтением охотно отдадут настоящие блага в обмен на будущие, ценность которых для них лишь ненамного больше, и заключат сделки, отдавая настоящие блага, то, что можно потребить сегодня, людям, имеющим более высокие временные предпочтения, т.е. тем, кто ценит настоящее намного сильнее, чем они. Присущие предпринимательству бдительность и творческая энергия порождают процесс, ведущий к установлению рыночной цены на настоящие блага в отношении к благам будущим. С точки зрения австрийской школы, ставка процента — это рыночная цена текущих благ, выраженная через будущие блага.

Таким образом, ставка процента — это цена, установленная на рынке, где поставщиками или продавцами настоящих благ являются те, кто сберегает; т.е. те, кто относительно больше готов отказаться от немедленного потребления ради более ценных благ в будущем. Покупателями настоящих благ выступают те, кто немедленно потребляет товары и услуги.

Чем изобильнее сбережения, т.е. чем больше предложение или объем продаж настоящих благ на рынке, тем, при прочих равных, ниже их цена, выраженная в будущих благах, и соответственно тем ниже рыночная ставка процента. Для предпринимателей это служит указанием на то, что существует большее количество настоящих благ, позволяющее им, увеличив длительность и сложность этапов их производственных процессов, тем самым сделав эти этапы более производительными. Напротив, чем меньше сбережений, тем выше рыночная ставка процента. Т.е. для предпринимателей это безошибочное указание на то, что следует избегать чрезмерного удлинения различных этапов производственного процесса, чреватого утратой согласованности или адаптированности, представляющей опасной для перспектив устойчивого и гармоничного развития общества. Процентная ставка сообщает предпринимателям, какие новые производственные этапы или инвестиционные проекты они не могут и не должны осуществлять, а какие могут и должны.

Австрийская теория экономических кризисов, разработанная Мизесом и Хайеком, опирается именно на теоретический анализ последствий денежной политики манипулирования процентными ставками, ведущей к рассогласованию поведения экономических агентов и

соответственно к искажению производственной структуры общества, неизбежным результатом чего оказывается болезненный процесс реорганизации или реконверсии в ходе экономического спада.

4.6. Бём-Баверк против Маркса. Бём-Баверк выдвинул против марксистской позиции следующие аргументы. Во-первых, не все экономические блага являются продуктом труда. Природные ресурсы редки и полезны для достижения людских целей, а потому представляют собой экономические блага, хотя не являются плодом труда. Более того, два блага, воплощающих равное количество труда, несомненно, могут иметь разную рыночную цену, если различаются необходимые для их производства периоды времени. Во-вторых, ценность благ субъективна. Таким образом, блага, заключающие в себе большое количество труда, на рынке могут стоить очень мало или вовсе ничего. В-третьих, Бём-Баверку ясно, что сторонники теории эксплуатации не имеют никакого представления о законе временного предпочтения. Эта ошибка заставляет их настаивать на том, чтобы рабочие получали больше, чем они действительно произвели, потому что приверженцы этой теории доказывают, что денежная оплата труда рабочего должна быть равна всей стоимости произведенной продукции, полный цикл производства которой требует периодов времени разной продолжительности. Требовать, чтобы рабочие сейчас получали полную стоимость продукции, производство которой будет окончено только в некоем отдаленном будущем, очевидным образом несправедливо, поскольку тогда рабочие будут получать больше, чем они в действительности произвели.

4.7. Бём-Баверк против Джона Бейтса Кларка и его мифической концепции капитала. У Кларка производство и потребление одновременны. С его точки зрения, производственные процессы не делятся на этапы и нет необходимости ждать в течение хоть какого периода времени, пока процесс производства даст результаты. Кларк рассматривает капитал как вечный или постоянный фонд, «автоматически» порождающий прибыли в форме процента. Согласно Кларку, чем больше этот общественный фонд капитала, тем ниже процент. В его модели временные предпочтения не оказывают никакого влияния на величину процента. Фрэнк Найт, Стиглер, Фридмен и остальные члены чикагской школы целиком и полностью разделяют взгляды Кларка. Развита Кларком концепция производства представляет собой просто перенос на теорию капитала предложенной Вальрасом идеи общего равновесия.

Как известно, Вальрас разработал экономическую модель общего равновесия в форме системы совместных уравнений — строго статической модели, устанавливающей соотношение между величинами, неоднородными в плане времени: модель не учитывает время и описывает взаимодействие якобы одновременных переменных и параметров, которые в реальной жизни никогда не проявляются одновременно.

Бём-Баверк критиковал Кларка, указав на то, что процессы производства никогда не зависят от загадочного однородного фонда, а неизменно опираются на совместное действие конкретных капитальных благ, которые предприниматель должен сначала задумать, произвести, отобрать и соединить в рамках протекающего во времени экономического процесса. Бём-Баверк с поразительной точностью предсказал, что принятие круговой статичной модели Кларка неизбежно приведет к возрождению давно дискредитированных доктрин недопотребления, и правота его была доказана появлением Кейнса и его школы.

4.9. Триумф модели равновесия и позитивистской теоретической модели. Вплоть до 1930х годов экономисты использовали модель равновесия как своего рода вспомогательный интеллектуальный инструмент, предназначенный, методом от противного, для развития теории реальных рыночных процессов. Но в 30е годы большинство экономистов перестали рассматривать модель равновесия как вспомогательный инструмент и постепенно начали воспринимать ее как единственный значимый объект исследований. В этот период неоклассические экономисты превратили модель равновесия в центральный пункт исследований, и экономисты в целом постепенно утратили интерес к изучению динамических рыночных процессов. В результате исследовательская программа австрийской школы оказалась в изоляции.

Глава 5. ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И ДИНАМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЫНКА

5.1. Введение. По словам самого Мизеса, «то, что отличало австрийскую школу и обеспечило ей вечную славу, — это доктрина экономической деятельности, противостоящая принципам экономического равновесия или отсутствия деятельности». Мизес лучше других применил эту динамическую концепцию рынка в новых областях и при этом распространил ее на теорию денег, кредита и экономических циклов, создал изощренную теорию предпринимательства как координирующей и движущей силы рынка, детально проработал и уточнил методологические основания школы и теории динамики как альтернативы концепциям, основанным на идее равновесия.

5.2. Краткий биографический очерк. Людвиг Эдлер фон Мизес родился 29 сентября 1881 г. в городе Лемберге, в пределах тогдашней Австро-Венгерской империи (ныне Львов).

5.3. Теория денег, кредита и экономических циклов. Мизес первым разобрался в казавшейся неразрешимой проблеме порочного круга, которая не позволяла применить теорию предельной полезности к феномену денег. В самом деле, цена, или покупательная способность, денег определяется спросом и предложением; в свою очередь спрос на деньги предъявляют люди, исходящие не из непосредственной полезности денег, а именно из их покупательной способности. Мизес разорвал этот порочный круг аргументации с помощью своей теоремы регрессии. Согласно этой теореме, спрос на деньги определяется не их сегодняшней покупательной способностью (что привело бы нас к порочному кругу), а основанным на опыте знанием их вчерашней покупательной способности. Вчерашняя покупательная способность в свою очередь определяется спросом на деньги, опирающимся на знание действующих лиц о позавчерашней покупательной способности денег. Таким образом, теорема регрессии — это просто ретроспективное применение предложенной Менгером теории эволюционного возникновения денег.

Когда управляемая центральным банком банковско-кредитная система с частичным резервированием вступает на путь экспансионистского создания кредитов и депозитов, не обеспеченных реальными сбережениями (фидуциарные средства обращения), это не только провоцирует циклический, неконтролируемый рост объема денежной массы, но и неизбежно, поскольку кредиты создаются *ex nihilo* под искусственно заниженную ставку процента, ведет к искусственному, неустойчивому «удлинению» производственных процессов, которые в результате делаются чрезмерно капиталоемкими.

Усиление любого инфляционного процесса посредством кредитной экспансии рано или поздно стихийно и неумолимо порождает попятное движение и провоцирует кризис или экономический спад, который выявляет все совершенные инвестиционные ошибки, ведя к массовой безработице и вызывая необходимость ликвидации и размещения заново всех неверно инвестированных ресурсов. Для устранения повторяющихся экономических циклов Мизес предложил создать банковскую систему со 100%-ным резервными требованиями для вкладов до востребования.

Разработанная Мизесом теория цикла впервые сделала возможным объединение микро и макроаспектов экономической теории, которые до тех пор существовали обособленно, поскольку считалось невозможным применить к деньгам теорию предельной полезности, а потому вся теория денег строилась на агрегированных показателях вроде общего уровня цен. Более того, Мизес предложил аналитические инструменты, позволяющие объяснить повторяющиеся бумы и спады, поражающие регулируемые рынки с того самого момента, когда возникли современные банковские системы с частичным резервированием.

5.4. Теорема о невозможности социализма. Мизес утверждал, что с позиций субъективизма австрийской школы такая невозможность очевидна, а неспособность неоклассических авторов заметить это проистекает прежде всего из ошибочности их методологического подхода, в частности из того факта, что в их моделях состояний равновесия предполагается доступность всей информации, необходимой для достижения равновесия.

Согласно Мизесу, источником всякого волевого акта, мнения и знания является творческая способность действующего человека, а потому любая система, основанная на насильственном принуждении, используемом для подавления свободной деятельности, как это имеет место в случае социализма и, в меньшей степени, интервенционизма, препятствует возникновению в сознании действующих субъектов информации, необходимой для координации общества.

Мизес систематизировал свои идеи о социализме в трактате «Социализм: экономический и социологический анализ», первое издание которого появилось на немецком языке в 1922 г. Эта работа разожгла третью важную дискуссию (после Methodenstreit и спора о концепции капитала) с участием австрийских теоретиков, — о невозможности экономического расчета при социализме.

Аргумент Мизеса о невозможности социализма — это теоретический аргумент относительно интеллектуальной ошибки, сопутствующей любому социалистическому идеалу, потому что невозможно организовать общество с помощью команд и принуждения, заведомо зная, что руководящий орган не в состоянии получить необходимую для выполнения этой задачи информацию.

5.5. Теория предпринимательства. В основе четвертого существенного вклада Мизеса в экономическую науку лежит взгляд на людей как на главных фигурантов всех социальных процессов. Эти аспекты подробно исследованы в трактате «Человеческая деятельность». Мизес считает, что во всякой деятельности наличествует предпринимательский, гипотетический компонент и развивает теорию предпринимательства, понимаемого как способность людей создавать и распознавать возникающие в их окружении субъективные возможности получения прибыли и действовать так, чтобы их реализовать. Он резко критикует популярные заблуждения, изображающие предпринимательскую прибыль как результат простого принятия рисков, тогда как риск порождает не более чем одну из статей издержек производственного процесса, которая не имеет ни малейшего отношения к предпринимательской прибыли.

Мизес утверждает: «Чтобы добиться успеха в коммерции, человеку не нужен диплом школы делового администрирования. В этих школах готовят подчиненных для выполнения рутинной работы. Там не готовят предпринимателей. На предпринимателя нельзя подготовить. Человек становится предпринимателем, используя возможности и заполняя пробелы».

5.6. Метод экономической науки: теория и история. По сравнению с другими представителями австрийской школы, Мизес разработал наиболее целостный и системный подход к вопросу о методе экономической науки, что и составляет его пятый крупный вклад в эту науку. Он утверждает, что общественные науки, или, скорее, науки о человеческой деятельности, делятся на две ветви: прaksiологию (общую теорию человеческой деятельности, самой развитой частью которой является экономическая теория) и историю.

Сфера прaksiологии — это применение концептуальной категории «человеческая деятельность», для чего необходимо из сущности человеческой деятельности дедуктивно вывести прaksiологические теоремы. При таком подходе экономическая теория строится априорным, дедуктивным способом, основываясь на концепции и категории деятельности. Отправной точкой служат небольшое число фундаментальных аксиом, присущих концепции деятельности. Важнейшая из них — сама категория деятельности, смысл которой в том, что, в соответствии со своей шкалой ценности, люди методом проб и ошибок выбирают цели и ищут средства, пригодные для их достижения. Другая аксиома говорит нам, что, поскольку средства редки, они вначале будут использованы для достижения наиболее ценных целей и только после того послужат удовлетворению всех других, менее насущных («закон убывающей предельной полезности»). Третья утверждает, что, делая выбор между двумя благами с идентичными свойствами, доступными в разные моменты времени, человек всегда предпочитает то, которое можно получить раньше («закон временного предпочтения»). Согласно Мизесу ни одно реальное явление не может быть познано прежде, чем реальность не получит истолкования в свете концепций и теорем человеческой деятельности.

Другой ветвью науки о человеческой деятельности является история — систематический сбор и изучение данных опыта, связанного с человеческой деятельностью. Для занятий этой наукой историк должен иметь в своем распоряжении теорию, дающую ему возможность истолковывать действительность.

Будущие события — это всегда большая неопределенность; человек способен лишь свести ее к минимуму, но не рассеять окончательно. Предположение о том, что экономическая наука способна давать научные предсказания наравне с естественными науками, выдает полное невежество относительно мира, в котором мы живем, и относительно природы человека вообще, а также ошибочное представление о методологических основах экономической науки в частности.

Глава 6. Ф. А. ХАЙЕК И СТИХИЙНЫЙ ПОРЯДОК РЫНКА

6.2. Исследование экономических циклов: межвременное рассогласование. Первые десятилетия своей научной карьеры Хайек посвятил исследованию циклов. Он шел путем, намеченным Мизесом, но стал автором ряда собственных, очень существенных достижений. Шведская академия присудила ему в 1974 г. Нобелевскую премию главным образом за его работы 1930х годов в области теории циклов.

Хайек понял, что в 1920-х годах американский Федеральный резерв обдуманно проводил политику активной кредитной экспансии, чтобы нейтрализовать «дефляционные» последствия значительного роста производительности. Так что, даже несмотря на отсутствие заметного роста цен на потребительские товары и услуги, в этот период происходил значительный рост денежной массы и сформировался огромный финансовый пузырь. Рано или поздно этот пузырь должен был лопнуть и вскрыть накопившиеся грубые инвестиционные ошибки. Хайек утверждает, что в ситуации падения цен, отражающего общий рост производительности, политика стабилизации ценности денег неизбежно порождает серьезное межвременное рассогласование между решениями инвесторов и потребителей, которое рано или поздно должно принять форму экономической рецессии. Хайек сумел предсказать Великую депрессию, начавшуюся в октябре 1929 г.

В 1931 г., Хайек опубликовал книгу [Цены и производство](#), пожалуй, свою самую значительную и известную работу по теории цикла. В этой короткой, но имеющей ключевое значение, работе, Хайек объясняет, с точными аналитическими подробностями, каким образом кредитная экспансия, не имеющая опоры в предшествующем росте добровольных сбережений, искажает производственную структуру, искусственно делая ее чрезмерно капиталоемкой, требуя, чтобы допущенные ошибки были обнаружены в форме рецессии.

Таким образом, существование во многих производствах в период рецессии «простаивающих мощностей» (особенно в отраслях, дальше всего отстоящих от потребления, таких как строительство, производство капитальных благ, телекоммуникаций или компьютеров) никоим образом не доказывает, согласно Хайеку, что капитала слишком много или что потребление недостаточно. Напротив, это признак того, что мы не в состоянии использовать весь наличный постоянный капитал, так как текущий спрос на потребительские товары настолько неотложен, что мы не можем себе позволить роскошь производить переменный капитал, необходимый для использования этих простаивающих мощностей.

Хайек доводит до логического конца теорию капитала Бём-Баверка и мизесовский анализ цикла, когда он описывает, как централизованное вмешательство в денежное обращение порождает широкое межвременное рассогласование между решениями экономических агентов (инвесторов и потребителей), и объясняет, что рецессия — это всего лишь этап здоровой реорганизации экономики.

6.3. Дискуссии с Кейнсом и чикагской школой.

Хайек выдвинул радикальные возражения против количественной теории денег, которой придерживались неоклассические экономисты вообще и чикагская школа в частности: «В силу своей макроэкономической природы она сосредоточена исключительно на общем уровне цен и внутренне не способна обнаружить последствия, которые экспансия платежных средств оказывает на структуру относительных цен. Поэтому она не учитывает самые тяжкие последствия инфляционного процесса: ошибочное инвестирование ресурсов и, как результат, порождение соответствующей безработицы».

Хайек подверг критике основателя чикагской школы Фрэнка Найта за приверженность концепции капитала как однородного самовозобновляющегося фонда, в результате чего он проглядел структуру этапов производства, образующих в совокупности производственный процесс, и свел к нулю роль предпринимателя как в непрерывном создании, координации и поддержании этих этапов, так и в решении не делать этого. Хайек рассматривал кейнсианский рецепт выхода из Великой депрессии как всего лишь временное решение, чреватое неблагоприятными последствиями. Предписываемые кейнсианцами и монетаристами фискальные и кредитно-денежные манипуляции вносят серьезные искажения в межвременное согласование рынка.

6.4. Дискуссия с социалистами и критика социальной инженерии. Хайек участвовал в дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме. Основная идея Хайека, отраженная в заглавии последней написанной им книги, [Пагубная самонадеянность](#), состоит в том, что социализм представляет собой пагубное заблуждение интеллектуальной гордыни или научного высокомерия. Хайек использует термин «социализм» в очень широком смысле, охватывающем любую систематическую попытку с помощью принудительных методов социальной инженерии частично или целиком спроектировать, или организовать какую-либо область сети человеческих взаимодействий, образующих рынок и общество. Хайек полагает, что логически невозможно создать или получить информацию или знание, которые позволили бы исполнить волонтаристское намерение «усовершенствовать» общество. Общество, согласно Хайеку, не является системой, «рационально организованной» чьим-то умом, потому что оно представляет собой стихийный порядок, т.е. динамический процесс, постоянно развивающийся и возникающий в ходе непрерывного взаимодействия миллионов людей, который не был и даже не мог быть сознательно или обдуманно создан каким-либо одним человеком.

Хайек утверждает, что в силу тех же самых причин, по которым социализм является интеллектуальной ошибкой и логической невозможностью, институты, имеющие особое значение для жизни в обществе (моральные, правовые, языковые и экономические), не могли быть обдуманно созданы кем-либо, а являются результатом длительного эволюционного процесса.

Новый вклад Хайека состоял главным образом в демонстрации того, что идея Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме представляет собой просто частный случай более общего принципа логической невозможности социальной инженерии или, иными словами, «конструктивистского» или «[картезианского](#)» рационализма. Хайек использует термин «сциентизм» для обозначения неоправданного применения в общественных науках методов физических и естественных наук.

6.5. Право, законодательство и свобода. В 1949 году Хайек отошел от проблем экономической теории и взялся за исследование правовых и институциональных факторов, ведущих к свободному обществу. Плодом тридцатилетних усилий стали две работы первостепенной важности — «Конституция свободы» и «Право, законодательство и свобода».

Согласно Хайеку, поскольку социализм представляет собой системную, институционализированную атаку на свободу человеческой деятельности, осуществляемую посредством принуждающих декретов и приказов, следствием оказывается разрушение традиционной концепции права, понимаемого как совокупность правил, имеющих общий (равно применимых к каждому) и абстрактный (поскольку они просто устанавливают рамки деятельности, никак при этом не оговаривая конкретных результатов социального процесса) характер. В результате материальное право оказывается вытесненным ложным «правом», которое представляет собой конгломерат административных предписаний, норм и приказов, точно устанавливающих, как именно должен действовать тот или иной человек.

У всего этого есть еще очень существенное побочное следствие: поскольку вместе с материальными законами исчезают и важные ориентиры, постепенно меняется и тип личности, так что люди утрачивают привычку приспосабливаться к абстрактным, общим правилам поведения. Они все в меньшей степени усваивают и соблюдают традиционные нормы поведения. Кроме того, социализм культивирует пренебрежение к закону, поскольку во многих случаях неисполнение приказов властей становится вопросом выживания, а для коррумпированных предпринимателей это же является залогом успеха.

Это унижение концепции права неизменно сопровождается параллельным унижением концепции справедливости. В традиционном смысле справедливость — это равная обязательность для всех людей абстрактных материальных правил поведения, составляющих частное право и уголовное право. В социалистической системе «справедливость» состоит преимущественно в произвольных оценках, осуществляемых правящими органами или отдельными судьями, исходящими из более или менее эмоционального впечатления о конкретных «конечных результатах» некоего социального процесса.

Глава 7. ВОЗРОЖДЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

7.1. Кризис теории равновесия и математической экономики. Три десятилетия после окончания Второй мировой войны, вплоть до 1975 г., были в нашей науке временем триумфа неоклассическо-кейнсианского синтеза и математических моделей равновесия. В этот период анализ с позиций теории равновесия стал основой экономической науки, хотя следует заметить, что в вопросе об использовании идеи равновесия экономисты разделились на два больших лагеря. Один лагерь пошел за Самуэльсоном, который после публикации «Основ экономического анализа» поставил перед собой цель реформировать экономическую науку на основе широкого применения математического языка и в результате принял ряд упрощающих положений, которые почти целиком исключили из его модели богатство и сложность реальных рыночных процессов.

Когда теоретики этой группы замечали, что реальные условия не соответствуют равновесию в условиях совершенной конкуренции, то воображали, что выявили ситуацию «провала рынка», оправдывающую немедленное вмешательство государства, которое должно сдвинуть ситуацию к идеалу, представленному моделью общего равновесия.

Во второй лагерь вошли теоретики равновесия, являвшиеся сторонниками рыночной экономики. Ядро этой группы составляла чикагская школа: Милтон Фридмен, Джордж Стиглер, Роберт Лукас и Гэри Беккер. С точки зрения этой школы, реальный рынок эффективен по критерию Парето и не требует государственного вмешательства, тем более что коалиция политиков, избирателей и бюрократов также действует весьма неэффективно.

В отношении чикагских моделей австрийцы отмечают, что те основываются исключительно на следующих исходных предположениях: равновесие, максимизация и постоянство. Австрийцы утверждают, что, прежде чем делать вывод о том, что реальная ситуация очень близка к модели равновесия, чикагским теоретикам следовало бы разработать теорию реального рыночного процесса, которая бы объясняла, чем этот процесс напоминает равновесие, если он его вообще напоминает.

Неоклассические теоретики провалов рынка, с австрийской точки зрения не замечают динамических эффектов координации, осуществляемого предпринимателями, которые проявляются на реальном рынке. Эти теоретики предполагают, что с помощью государственного вмешательства каким-то образом можно приблизиться к идеалу общего равновесия, как если бы плановые органы на самом деле могли получить информацию, которая в действительности им принципиально недоступна. Австрийцы считают, что неравновесие не является проявлением ни несовершенства, ни провалов рынка, а фактически представляет собой самую естественную черту реального мира и что в любом случае реальный рыночный процесс превосходит все доступные для человека альтернативы.

Австрийские теоретики предлагают выйти за пределы двух равновесных, перенести фокус экономических исследований на динамический процесс предпринимательской координации, который в конечном счете и обеспечивает движение к состоянию равновесия, хотя в реальной жизни это состояние недостижимо.

Поэтому неудивительно, что современная экономическая наука, в которой господствует математический язык обеих ветвей теорий равновесия, по общему мнению, переживает глубокий кризис.

7.2. Ротбард, Кирцнер и возрождение австрийской школы. Ведущую роль в возрождении австрийской школы сыграли два ученика Мизеса — американцы Мюррей Ротбард и Израэл Кирцнер.

7.3. Текущая исследовательская программа австрийской школы и ее предсказуемый вклад в будущее развитие экономической науки. Падение Берлинской стены, а с ней и реального социализма оказало глубокое влияние на господствовавшую до тех пор неоклассическую парадигму и общую ситуацию в экономической науке. Представляется очевидным, что экономика как наука потерпела серьезное поражение, потому что, за единственным исключением австрийской школы, экономисты не смогли предвидеть столь важное событие и дать его адекватный анализ.

Текущее состояние австрийской школы.

Теория институционального принуждения. Необходимость анализа рассогласованностей, создаваемых экономическим интервенционизмом всюду, куда он вторгается, открывает огромное новое поле для исследований.

Необходимо отказаться от распространенной функциональной теории образования цен и заменить ее *теорией цен*, объясняющей, как последовательный эволюционный процесс приводит к динамичному формированию цен. Движущей силой этого процесса служит предпринимательство, т.е. человеческая деятельность участников рынка, а не пересечения более или менее загадочных кривых или функций, которые в любом случае не имеют реального значения, потому что информация, предположительно необходимая для их изображения, даже не существует в умах участников.

Развитие австрийской теории *конкуренции и монополии*, которая призывает к отказу от топорной статической теории рынков, предлагаемой в стандартных учебниках, и замене ее теорией конкуренции, понимаемой как динамический, чисто предпринимательский процесс соперничества. Важным политическим следствием австрийского подхода к конкуренции и монополии является необходимость пересмотра всей антимонопольной политики и законодательства, которые, с австрийской точки зрения, оказываются ненужными и даже вредными.

Необходимо опять ввести *теорию капитала и процента* в состав университетских курсов экономики, чтобы преодолеть неадекватность макроэкономического подхода, игнорирующего микроэкономические процессы координации, происходящие в производственной структуре реальной экономики.

Теория денег, кредита и финансовых рынков. Вмешательство государства в этой области особенно пагубно и в конечном счете является непосредственной причиной регулярных экономических спадов.

Следует перестроить всю *теорию роста и экономической отсталости*, устранив элементы, служащие оправданием институционального принуждения и делающие эту теорию не только бесполезной, но и опасной. Необходимо сосредоточиться на теоретическом исследовании процессов обнаружения возможностей развития, которые остаются незамеченными из-за недостатка предпринимательского элемента, несомненно, являющегося ключом к преодолению экономической отсталости.

В рамках *экономической теории благосостояния* эффективность зависит не от критерия Парето, а должна быть определена через способность предпринимательства к стихийному координированию рассогласованностей, возникающих в ситуациях неравновесия (Cordato 1992).

Теория «общественных» благ с позиций динамической теории предпринимательства любой явный пример коллективного блага создает для когото возможность открыть и устранить ситуацию посредством предпринимательского творчества в правовой и/или технологической области. Поэтому, с точки зрения австрийской школы, множество общественных благ имеет тенденцию становиться пустым; тем самым во многих областях общественной жизни исчезает самое затасканное алиби, привлекаемое в оправдание государственного вмешательства в экономику.

Теория народонаселения. Австрийцы рассматривают рост численности населения не как помеху экономическому развитию, а как его движущую силу и необходимое условие. Более того, было показано, что развитие цивилизации включает постоянный рост горизонтального и вертикального разделения практического знания, которое возможно только в условиях параллельного роста числа людей, достаточного для поддержания наращивания объема практической информации, используемой на социальном уровне.

Достижения австрийской школы оказывают мощное влияние в области *теоретического анализа справедливости и социальной этики*.

7.4. Ответы на некоторые замечания и критику

А) Два подхода (австрийский и неоклассический) не исключают, а взаимодополняют друг друга. Тезис о совместимости был бы обоснован, если бы неоклассический метод соответствовал тому, как действуют люди в реальности, а не вел бы к искажению теоретического анализа.

Б) Австрийцам не следует критиковать неоклассиков за использование упрощенных допущений, делающих реальность более легко постижимой. Австрийские экономисты возражают, что одно дело — упрощенное предположение и совсем другое — совершенно нереалистичное.

В) Австрийцы не смогли формализовать свои теоретические построения. Австрийцы рассматривают использование математики, скорее, как порок, а не достоинство, потому что этот символический язык был разработан для нужд логики, естественных наук и инженерного дела. Во всех этих областях нет ничего похожего на субъективное время и творческую предприимчивость. С нашей точки зрения, идеальным научным языком для анализа творческой способности является именно тот язык, который люди стихийно и постепенно развили в своей повседневной предприимчивой деятельности и который нам известен в форме различных вербальных языков, используемых сегодня в мире.

Г) Австрийцы проводят очень мало эмпирических исследований. Австрийцы признают, что их научная деятельность разворачивается в другой области, в области теории, и что, с их точки зрения, сначала нужна теория, а уж потом ее можно применять к реальности или иллюстрировать историческими событиями.

Д) Австрийцы пренебрегают экономическим прогнозированием. Австрийцы предпочитают заниматься разработкой концепций и теоретических законов, позволяющих истолковывать реальность и помогающих действующим людям (предпринимателям) принимать решения с большими шансами на успех. Австрийцы делают только качественные «предсказания» и формулируют их в строго теоретических терминах.

Е) У австрийцев нет эмпирических критериев для проверки истинности своих теорий. В экономической науке эмпирические свидетельства всегда противоречивы, потому что относятся к сложным историческим явлениям, не поддающимся проверке в лабораторных условиях, в которых значимые явления можно было бы изолировать, а все остальные факторы оставались постоянными.

Ж) Австрийцы догматичны.

7.5. Заключение: сравнительная оценка австрийской парадигмы. В экономической науке эмпирические свидетельства никогда не бывают бесспорными, а потому ошибочные доктрины не удается немедленно выявить и отвергнуть.

УКроме того, у многих групп (государственных органов, общественных лидеров и граждан в целом) сохраняется (и предположительно сохранится в будущем) наивная, но сильная потребность в конкретных предсказаниях. Поэтому неудивительно, что рынок удовлетворяет этот спрос, поставляя публике многочисленных «аналитиков» и «специалистов по социальной инженерии», которые со всей научной респектабельностью снабжают своих клиентов тем, в чем те нуждаются.

Вместо эмпирических критериев успеха мы предлагаем *качественный критерий*. В соответствии с ним успех школы должен оцениваться по вкладу ее теоретических достижений в развитие человечества.

Библиография на русском языке

Бём-Баверк О. (1909) Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб.

Бём-Баверк О. (2002) К завершению марксистской системы // Бём Баверк О. Критика теории Маркса. М., Челябинск: Социум.

Кантильон К. (2007) Опыт о природе торговли вообще // Первые экономические системы. М: ЭКСМО.

Кирцнер И. (2007) Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум.

- Кирцнер И. (2001) Конкуренция и предпринимательство. М.: ЮНИТИДана.
- Леони Б. (2007) [Свобода и закон](#). М.: ИРИСЭН.
- Кэллахан Д (2006). [Экономика для обычных людей: Основы австрийской экономической школы](#). – Челябинск: Социум
- Менгер К. (2005а) Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего.
- Менгер К. (2005б) Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего.
- Мизес Л. фон. (1994) Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy.
- Мизес Л. фон. (2000) Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.: Экономика; (2005) Челябинск: Социум.
- Мизес Л. фон. (2001) Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ; (2007б) Челябинск: Социум.
- Мизес Л. фон. Мизес Л. фон. (2007а) Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум.
- Роббинс Л. (1993) Предмет экономической науки // THESIS. Т 1. Вып. 1. (Зима 1993). С. 1—23.
- Саймон Дж. (2005) Неисчерпаемый ресурс. Челябинск: Социум.
- Салерно Дж. (2007) Трактат Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность» и его роль в развитии современной экономической мысли // Австрийская экономическая школа, 1870—2007. Челябинск: Социум.
- Скоузен М. (2005) Кто предсказал крах 1929 года? // Экономический цикл: Анализ австрийской школы. Челябинск: Социум. С. 172—217.
- Стиглер Дж. (1995) Экономическая теория информации // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа. С. 507—529.
- Тюрго А. Р. Ж. (1961) Похвальное слово Венсану де Гурнэ // Тюрго. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1961.
- Уэрта де Сото Х. (2007) Деньги, банки и экономический цикл. Челябинск: Социум.
- Уэрта де Сото Х. (2008). [Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция](#). Челябинск. ИРИСЭН, Социум
- Хайек Ф. А. фон (2010). [Дорога к рабству](#). – М.: АСТ, Астрель.
- Хайек Ф. А. фон. (1989) Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 6—14.
- Хайек Ф. А. фон. (1992) [Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма](#). М.: Новости.
- Хайек Ф. А. фон. (2000) Смысл конкуренции // Хайек Ф. А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала Фонд, 2000. С. 102—114.
- Хайек Ф. А. фон. (2003) Использование знания в обществе // Хайек Ф. А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-Фонд, 2000. С. 89—101.
- Хайек Ф. А. фон. (2003) Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ.
- Хайек Ф. А. фон. (2003) Экономическая теория и знание // Хайек Ф. А. фон. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-Фонд, 2000. С. 51—71.
- Хайек Ф. А. фон. (2006) Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН.
- Хайек Ф. А. фон. (2007) [Цены и производство](#). Челябинск: Социум.
- См. также каталог издательства [Социум](#).